

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-152-160

«СЛОВЕСНАЯ ПЛОТЬ» ДНЕВНИКОВ ДЕТЕЙ

Фесенко Э.Я.

*Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинск
164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36, Архангельская область, Российская Федерация*

Аннотация. В статье на примере личных дневников детей XX века рассматривается одно из приоритетных направлений современной гуманитаристики, связанное с особенностями жанра личного дневника, вопрос о котором продолжает оставаться дискуссионным. Автор приводит точки зрения различных исследователей на эту проблему. Особое внимание уделено дневникам детей семьи М. Цветаевой – С. Эфрона и детским дневникам войны, позволяющим разобраться в сложной жизни России в 30–40-е гг. XX в.: личные документы в данном случае становятся историческими. Их анализ проводился с опорой на завет Ю.Н. Тынянова «продырявить документ», чтобы определить его сущность. Анализ дневников показал значимую роль авторской интенции в создании дневникового текста: несмотря на возрастную разницу, в жизни их авторов существует нравственный каркас, связанный с их этическими представлениями. Предложенный подход будет интересен специалистам, работающим в области изучения специфики документальных жанров литературы.

Ключевые слова: личный дневник, жанр, авторская интенция, автобиографический пакт, возрастные особенности.

“WORD FLESH” OF CHILDREN DIARIES

E. Fesenko

*Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk branch
36 Karl Marx st., Severodvinsk, 164500, Russian Federation*

Abstract. On the example of children’s personal diaries in the 20th century, the article deals with one of the most important directions of modern humanity sciences connected with particularities of the genre of a personal diary the status of which is still being discussed. The article contains points of view of different researchers on this problem. Special attention is paid to diaries of the children of the families of M. Tsvetaeva and S. Efron and children’s diaries of the war period which allow understanding a complicated life of Russia in 1930–40s: personal documents in this case become historical ones. Their analysis was carried out under the slogan of Y. Tyunyanov “...to make holes in the document” to clarify it. The analysis of the diaries showed the role of the author’s intention in creating a diary text: in spite of the age differences in the life of its authors there is a moral carcass connected with their ethic images. Our approach will be interesting for specialists who work in the field of peculiarities of documentary literary genres.

Key words: personal diary, genre, author's intention, autobiographical pact, age particularities.

В современной гуманитаристике одним из приоритетных направлений стало изучение дневника как литературного жанра и как исторического документа, хотя появление жанра личного нехудожественного дневника относят к концу XVII в. Е.М. Криволапова считает, что «В России интерес к автодокументальной литературе и, в частности, к дневнику проявляется в последние десятилетия XX века, когда были изданы ранее неизвестные и часто недоступные широкому читателю материалы дневников писателей, художников, журналистов, политиков, учёных, общественных деятелей и простых людей – свидетелей своей эпохи» [6, с. 66]. В её перечне дневники детей не упоминаются.

Один из основоположников изучения автобиографий Ф. Лежен ввёл в научный оборот понятие «автобиографический пакт», суть которого состоит в том, что, во-первых, автор текста является одновременно его *повествователем* и *главным героем*, а во-вторых, излагаемые в тексте события являются достоверными. Подобная достоверность в дневнике в первую очередь проявляется *в наличии имени автора* [12, р. 17].

Е.Б. Савельева относит «личные дневники» к жанру «эго-документа», т. к. в каждом из них ярко проявляется личность автора, а «в личности **связывается воедино** биологическое и психологическое, индивидуальное и социальное, общечеловеческое и этноспецифическое, интеллектуальное и эмоциональное, стереотипное и новаторское, объективное и субъективное» [8, с. 85]. При этом О.А. Дубнякова

и Т.А. Кашина, исследуя коммуникативно-прагматические особенности личного нехудожественного дневника, считают, что они недостаточно изучены и для лингвистов, литературоведов, культурологов особый интерес представляют «проблемы определения объекта и адресата данного типа литературы» [2, с. 42].

Необходимым решением этой проблемы стало и при анализе дневников детей.

Интерес к личности всегда был присущ литературе, философии, психологии, антропологии. Жанр личного дневника предполагает выражение духовной и интеллектуальной жизни «отдельного» человека (пусть и в субъективной форме). Рефлексия – часть дневникового «инструментария», но биографические подробности жизни автора с его богатой духовной жизнью не заслоняют временное пространство, в котором он «существует», поэтому в XX в. дневник стали относить не только к «домашнему» жанру, но и рассматривать его как документ истории и литературное явление.

Теоретики литературы, рассматривая жанр дневника в системе внелитературных жанров, справедливо замечают, что он занимает «пограничное положение» среди «писем», «записных книжек», «мемуаров». Дональд Кин убеждён: авторы дневников помогают «сохранить время, спасти от забвения дни...» [3, с. 4], не дают прерваться «связи времён».

К дневнику люди обращаются в разном возрасте. Психологи Генри Клауд и Джон Таунсенд в книге «Дети: границы, границы...» размышляли о том, что

уже «в раннем детстве (а затем и в подростковом периоде) ребёнок начинает ощущать в себе нечто, что мы называем волей», испытывая «стремление утвердить и проявить себя как особую личность ... Это стремление формирует в человеке способность управлять собой и своей жизнью ... Утверждая свою личность, мы отвечаем на вопрос: «Кто я такой?» [4, с. 21–22]. Особенно это касается детей, рано проявивших свою одарённость. Швейцарский психотерапевт Алиса Миллер, рассмотрев «драму одарённого ребёнка», основное внимание уделила исследованию природы детских психических травм, утверждая, что для излечения душевных травм «есть очень действенное и весьма эффективное средство: правдиво рассказать себе историю своего единственного и неповторимого детства и эмоционально вновь пережить её», что поможет «восстановить своё Я и вернуть утраченную внутреннюю целостность, если глубже осознать всё произошедшее» [7, с. 2]. На наш взгляд, это подтверждает «заместительную» функцию дневника, который часто становился единственным другом его автора, помогая избавиться от одиночества, страха и непонимания. Это относится и к дневникам детей войны, и к дневникам таких ярких личностей, какими были Аля и Георгий Эфрон и Лев Федотов.

По своей форме и объёму дневники детей войны очень разные, но им всем присущи фактографическая достоверность, разочарование в немецкой культуре, ненависть к врагу, тяжёлые переживания из-за потери родных людей и друзей. Общее духовное состояние разных авторов этих дневников – вера в победу Красной Армии. Сюжеты их

создают многомерную картину жизни советской страны в военное время. В них описаны события, происходящие в военной Москве, в блокадном Ленинграде, в осаждённом Сталинграде, в оккупированных Ялте и Симферополе, в западноукраинском городке Кременец, в Каунасском гетто, в концлагерях под Ригой и в Германии, в тылу на маленькой железнодорожной станции в Сибири и во Владивостокском пароходстве, где мальчишки заменяли своих ушедших на фронт отцов и братьев. Все эти дневники, авторам которых было от 7 до 16 лет, стали со временем не только «человеческим документом», но и «документами истории»¹: они поражают своей искренностью, а иногда и глубокими размышлениями о жизни и смерти, чести и предательстве, любви и ненависти, родине и мужестве.

Совершенно разные по фактуре, дневники детей поражают соседством, по наблюдениям Д. Гранина, «большого» и «малого»: «“Зубрил алгебру. Наши сдали Орёл” ... Удивительно, как держится детский взгляд за мирные “мелочи”, как чувствуется биение “нормальной” жизни даже в оккупации и блокаде: девочка пишет о первой помаде, мальчик – о первом влечении. Дети – поголовно! – пишут о книгах ... Они пишут о дружбе. И конечно – о любви. Первой, осторожной, не-

¹ Многие детские дневники войны хранятся в Музее истории Санкт-Петербурга, Музее обороны и блокады Ленинграда, в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, Музее-заповеднике «Сталинградская битва», в Российском государственном архиве социально-политической истории, Государственном центральном музее современной истории России, в государственном архиве Брянской области, в личных архивах.

смелой, не доверяемой до конца даже интимному дневнику...

Вообще у них, у наших героев, всё – впервые. Впервые дневник, впервые – война, у них нет опыта старших поколений, нет прививки жизни, у них всё – на живую нитку, взаправду, и нам кажется, что их свидетельства – они самые честные в том, что касается внутреннего мира и отражения в себе мира большого» [1, с. 5].

Даниил Гранин, предваривший своим Словом книгу детских дневников, собранную журналистами «АиФ», размышлял: «Чем эти дневники были для них, тех, кто их писал? Почти в каждом дневнике прочитывается: “мой лучший друг”, “мой единственный советчик”... В дневник не пишут – с дневником говорят. Нет на Земле ближе существа, чем эта тетрадь в коленкорной обложке, чертёжный блокнот, альбомчик с ладонь... И эта близость, эта потребность – зачастую возникает именно в первый день войны, когда и были начаты многие из опубликованных в этой книге дневников» [1, с. 7]. В жанре дневников духовные потрясения, исторические и социальные катаклизмы обычно проявляются наиболее ярко. И дневники детей военных лет, ставших свидетелями мировой трагедии XX в., не стали исключением. Д. Гранин утверждал: «Дети переносят войну иначе, чем взрослые. И записывают эту войну и всё, что с нею связано, все её ужасы и потрясения они по-другому. Наверное, потому, что дети – безоглядны. Дети наивны, но в то же время они и честны, в первую очередь перед самими собой.

Дневники военных детей – это свидетельства удивительной наблюдательности и беспощадной отк-

венности, часто невозможной взрослому человеку. Дети замечали явления быта, приметы войны более точно, чем взрослые, лучше реагировали на все происходящие перемены. Их дневники ближе к земле. И потому их свидетельства, их доказательства подчас гораздо важнее для историков, чем дневники взрослых» [1, с. 7].

Все авторы дневников сознательно шли на риск, понимая, что за откровенные рассказы о зверствах фашистов, свидетелями которых они были, в случае обнаружения записей им грозила смерть.

Детские дневники интересны не только своим фактографическим материалом, но и явленной в них общностью духовного состояния советского поколения детей и подростков, девушек и юношей в годы Великой Отечественной войны, хотя они разнятся не только по своему содержанию, что, естественно, зависит от возраста их авторов, от полученных впечатлений, от пережитого ими, но и по оформлению (или, скорее, исполнению): дневниковые записи в них фиксировались в довоенных общих тетрадях в коленкорных обложках, на листках перекидного календаря, в школьных тетрадях в клеточку, в записных книжках, в сшитых клочках бумаги, в альбомчике величиной с ладонь, в чертёжном блокноте. По своему объёму дневники тоже были разные: подробные и краткие, точно датированные и описательные по своему характеру.

В детских дневниках всегда актуализируется возрастная психология их создателей. Дневник дочери Марины Цветаевой Али, который она вела с шести до девяти лет, писался под присмотром матери, осуществлявшей

контроль над этим процессом, стремясь научить дочь дисциплине ума, логике изложения материала, грамотности, умению подмечать детали увиденного, работе над ошибками. Аля обязана была писать каждый день не менее 4-х страниц. Из этого дневника встаёт не только образ одарённой девочки, поражающей всех своими стихами, стилем письма, но и образ сильной, властной матери, «служению» которой дочь посвятила жизнь, считая это своей миссией. Девочка рано проявила в дневнике и свои литературные способности: в него включены её стихи, эссе, пейзажные зарисовки. Как замечала её мать, дневник даёт возможность увидеть «точную и полную жизнь души шестилетнего ребёнка». И, кроме этого, в нём много зарисовок российской жизни 20-х гг. XX в. Как отметила Е.Б. Коркина, на страницах детских тетрадей Али Эфрон воскрешает «жизнь, исчезнувшая сто лет назад, казалось бы, бесследно»: «Льдины с глыбами снега быстро плывут по Москве-реке, во Дворце искусств на Поварской Александр Блок читает “Возмездие”, над храмом Христа Спасителя взлетают ракеты первомайского салюта 1919 года, по сугробам московских улиц, пугая редких прохожих, прыгают на ходулях и в саванах “пружинники”, в квартире на втором этаже в Борисоглебском переулке горит синяя люстра, на чёрном камине стоит золотой верблюд, и Ирина в розовом платье кружится по комнате...» [5, с. 8]

Переломные моменты истории всегда трагичны. В них страдают не только народы, но и каждый отдельный человек. В водовороте исторических событий 20–40-х гг. XX в. оказалась и семья

Марины Цветаевой, судьба всех членов которой сложилась трагически: на их долю выпали две мировые войны, две революции 1917 г., гражданская война. Из сохранившихся дневников, писем и воспоминаний Ариадны и Георгия, которые были участниками и свидетелями трагических судеб своих родителей, многое можно узнать и об их частной жизни, и об исторических событиях.

Дневники, которые начинают вести в подростковом возрасте или в юношеский период жизни, как это случилось с Георгием Эфроном и Львом Федотовым, дают возможность понять психологический процесс адаптации их авторов к социальному миру. Георгий Эфрон признавался: «Пока я пишу эти строчки, у меня впечатление, что я исполняю что-то вроде ритуала, пишу своё духовное завещание, фиксирую мои последние моральные пожелания» [10, с. 41]. Как и его мать, сын Марины Цветаевой понимал ценность сохранившихся сведений, запечатлённых воспоминаний, считая, что надо записывать услышанные разговоры и бережно хранить фотографии. Его ровесник Лев Федотов в дневнике подробно записывал диалоги с собеседниками, стремясь сохранить даже интонацию речи своих современников, а его рисунки заменяли ему фотографии.

Дневник Георгия Эфрона дошёл до нас в неполном варианте: сохранились только его записи за 1940–1942 гг. Как и его сестру, его отличали незаурядные литературные способности. Его дневник – образец психоанализа, так как по нему можно проследить, как рос и менялся подросток в сложных отношениях с родителями, в решении вопросов бытия, в становлении моральных принципов. Всё это гораздо легче про-

ходило у его сверстника Лёвы Федотова, хотя у них было и много общего.

В юношеском возрасте всегда идёт процесс индивидуации, который, по утверждению К.Г. Юнга, «порождает психологического «индивида», т. е. «обособленное, нечленимое единство, некую целостность» [11, с. 197]. Оба юноши прожили короткую жизнь: оба погибли на фронте в 1943 г. В силу обстоятельств к началу Великой Отечественной войны Лев окончил 9 классов, а Георгий успел поступить на 1 курс Литературного института. При этом Георгий больше размышлял, а Лёву отличала «вечная целенаправленность»: ускоренный темп его жизнедеятельности был связан с осознанием им кратковременности пребывания человека на земле, в том числе и его собственного. Георгий не жалел времени на рассуждения о прочитанных книгах, чужих мыслях, а Лев торопился высказать свои идеи; Мур (домашнее имя Георгия) часто рефлексировал, гордился тем, что умел выстраивать свои отношения со сверстниками и никогда не дрался, а Лев был безрассудно храбр, бесстрашен, хладнокровен, всегда составлял план и выполнял его, когда что-то задумывал. Если Георгий много думал о женской любви и мечтал о ней, то Лев категорически отрицал какие-либо привилегии женщин, считая это «выдумкой». Если Мур страдал от своего физического несовершенства и только планировал заниматься спортом, то Лев рано выработал жёсткие поведенческие нормы и научился сокращать сон, не придавать большого значения холоду и голоду, став физически очень сильным, закалив тело и дух. Всё это послужило тому, что он всегда был лидером среди одноклассников и

друзей. И всё-таки у этих двух таких разных юношей было много общего: оба они были героями своего времени – 40-х гг. XX в. Их дневники – это дневники эпохи предвоенных и военных лет, второй мировой и Великой Отечественной войн, свидетельство их политической зрелости, яркие документы того, как личность формируется в экстремальных ситуациях. В своих размышлениях о войне и мире они оба «переросли» своих сверстников. Их дневниковые записи поражают реакцией на события, происходящие в «большом» мире. Да, это были, на первый взгляд, обычные ребята, которые одинаково «неуважительно»¹ относились к школе, считая, что она забирает у них много времени, отрывая от любимых занятий – музыкой и живописью. Они оба метались в выборе своей профессии, но позднее Георгий отдал предпочтение литературе, а Лев – науке, так как выше всего ценил целесообразность и был сторонником знаний, которые приносили человечеству практическую помощь. Они оба шли «по своему пути понимания и мысли». Дневниковые записи Георгия поражают широтой взгляда на процессы, происходящие в мировой политике, и на исторических деятелей, а Льва – даром блестящего аналитика, который проявился в его предсказаниях точной даты начала Великой Отечественной, её хода, поведения союзников и предсказания неминуемой победы СССР. Авторов обоих дневников отличала сила духа, философский склад ума,

¹ Психологи давно отметили, что творчески одарённые дети осуществляли формирование своей личности не через школу с её системой обучения, а самостоятельно, в основном через чтение книг, изучение заинтересовавших их наук и искусств.

анализируем и историзм мышления, сознание, освобождённое от самоцензуры, широкое образовательное пространство, острый взгляд художника и исследовательский подход ко всему.

Дневники детей разных возрастов отличает искренность, богатство фактографического материала и документальная основа описанных событий. Все «факты быта» в их дневниках стали «фактами истории», «человеческим документом». Для их дневников (как и для «взрослых») были характерны глубокие размышления над общезначимыми проблемами – жизни и смерти, любви и ненависти, чести и бесчестия.

Р.С. Черепанова убедительно доказала, что «личный дневник» пишется «не всегда в личных, но всегда в личностных целях: самоутверждение, фиксация значимых фактов ... для

последующего их размещения в банке памяти, самоидентификация и рефлексия, выработка воли, поиск жизненных целей и т. п. – всё это может не быть личным, но всегда является личностным» [9, с. 69]. Какой бы мы ни читали дневник, написанный юным человеком разного возраста, мы найдём в нём желание автора рассказать о пережитом, сохранить память об этом, поиски им смысла жизни, желание познать самого себя и мир.

На материале личных дневников детей разного возраста раскрывается значение авторской интенции в создании дневникового текста, от которой зависит и отбор фактического материала, и способ его подачи, и ракурс изображения событий и лиц, представленных в нём.

ЛИТЕРАТУРА

1. Детская книга войны: дневники 1941–1945. М.: Аргументы и факты; АиФ. Доброе сердце, 2015. 480 с.
2. Дубнякова О.А., Кашина Т.А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1 (25). С. 42–49.
3. Кин Д. Странники в веках. М.: Восточная литература, 1996. 328 с.
4. Клауд Г., Таунсенд Д. Дети: границы, границы... М.: Триада, 2001. 320 с.
5. Книга детства. Дневник Ариадны Эфрон. 1919–1921. М.: Русский путь, 2015. 248 с.
6. Криволапова Е.М. Роль авторской интенции в создании дневникового текста // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 4 (23). С. 66–73.
7. Миллер А. Драма одарённого ребёнка и поиск собственного Я. М.: Академический проект, 2001. 144 с.
8. Савельева Е.Б. Мир автора-коммуниканта в эго-произведении (на примере жанра автобиографии) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3-4 (45). С. 85–87.
9. Черепанова Р.С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) // Вестник Южно-уральского университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 2. С. 49–54.
10. Эфрон Г.С. Дневники: в 2 т. М.: Вагриус, 2007. Т. 2: 1941–1943 годы. 368 с.
11. Юнг К.Г. Сознание, бессознательное и индивидуация // Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996. С. 197–207.
12. Lejeune Ph. Ecrire sa vie. Du pacte au patrimoine autobiographique. Paris: Editions du Mauconduit, 2015. 128 p.

REFERENCES

1. Detskaya kniga voiny: dnevniki 1941–1945 [Children's war book: diaries 1941-1945]. Moscow, Argumenty i fakty Publ., AiF. Good heart Publ., 2015. 480 p.
2. Dubnyakova O.A., Kashina T.A. [Communicative and pragmatic peculiarities of the personal diary]. In: Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie" [Bulletin of Moscow City University. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2017, no. 1 (25), pp. 42–49.
3. Kin D. Stranniki v vekakh [Wanderers in the centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1996. 328 p.
4. Klaud G., Taunsend D. Deti: granitsy, granitsy... [Boundaries with kids]. Moscow, Triada Publ., 2001. 320 p.
5. Kniga detstva. Dnevnik Ariadny Efron. 1919–1921 [Book of childhood. Diary of Ariadna Efron. 1919–1921]. Moscow, Russkii put' Publ., 2015. 248 p.
6. Krivolapova E.M. [The role of the author's intent in creating a diary text]. In: Teoriya yazyka i mezhhkul'turnaya kommunikatsiya [Theory of Language and Intercultural Communication], 2016, no. 4 (23), pp. 66–73.
7. Miller A. Drama odarennogo rebenka i poisk sobstvennogo Ya [Drama of the gifted child and the search for self]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2001. 144 p.
8. Saveleva E.B. [The world of the author-communicant in the ego-work (on the example of the autobiography)]. In: Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Research Journal], 2016, no. 3–4 (45), pp. 85–87.
9. Cherepanova R.S. [Ego-texts: levels of privacy in their interaction with public discourses (on material of several personal diaries from the Soviet epoch)]. In: Vestnik Yuzhno-ural'skogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki" [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2018, vol. 18, no. 2, pp. 49–54.
10. Efron G.S. Dnevnik: v 2 t. [Diaries: in 2 volumes]. Moscow, Vagrius Publ., 2007. Vol. 2: 1941–1943. 368 p.
11. Yung K.G. [Consciousness, unconscious, and individuation]. In: Struktura psikhiki i protsess individuatsii [The structure of the psyche and the process of individuation]. Moscow, Nauka Publ., 1996. pp. 197–207.
12. Lejeune Ph. Ecrire sa vie. Du pacte au patrimoine autobiographique. Paris, Editions du Mauconduit, 2015. 128 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фесенко Эмилия Яковлевна – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка Северного (Арктического) Федерального университета имени М.В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске; e-mail: e.fesenko@narfu.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emiliya Ya. Fesenko – PhD in Philological sciences, Professor at the Department of Literature and Russian language, Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk branch; e-mail: e.fesenko@narfu.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фесенко Э.Я. «Словесная плоть» дневников детей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 152–160.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-152-160

FOR CITATION

Fesenko E.Ya. “Word flesh” of children diaries. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 152–160.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-152-160